

«КРАСНЫЙ ПОЕЗД» АЛЕКСЕЯ ПУШКОВА

– Алексей Константинович, по одной из официальных справок, Вы родились в Москве. Но есть информация, что это не так. Так где же произошло это самое главное в Вашей жизни событие?

– В Китае, в Пекине. Мои родители решили влюбиться друг в друга, когда мой отец работал там дип-

ломатом, а мать переводчицей, в начале 50-х годов. Я родился через два года после того, как они познакомились. Я дитя любви. Лет до трех жил в Китае. У меня была няня китайка, а около моей кровати лежала белая овчарка, которая меня защищала. На меня, правда, никто особенно не покушался, но так,

**Алексей ПУШКОВ,
ведущий и руководитель
программы «Постскриптум»**

Родился в 1954 году. Окончил историко-дипломатический факультет Московского государственного института международных отношений (МГИМО) МИД СССР, защитил диссертацию, став кандидатом исторических наук. Преподавал на кафедре истории международных отношений и внешней политики МГИМО, чуть позже был старшим референтом, редактором, консультантом в журнале «Проблемы мира и социализма», потом консультантом Международного отдела ЦК КПСС. Работал заместителем главного редактора, шеф-редактором международных изданий еженедельника «Московские новости». С 1995 года Пушков – политический обозреватель «Московских новостей», затем заместитель генерального директора

на всякий случай... Родители работали. Сохранилась семейная фотография, где я сижу на руках у Мао Цзэ Дуна (тогда ведь была большая советско-китайская дружба). Я был маленький, щекастый, толстенький – меня называли маленький Белый медвежонок, потому что все китайцы желтенькие и на медвежат не похожи. Все я знаю со слов родителей, потому что сам был слишком мал, чтобы помнить. Мне не было еще и трех лет, когда меня привезли в Москву, к бабушке и дедушке, которые жили на Тверской улице. Я говорил в основном по-китайски и очень плохо по-русски. Они с удивлением спросили моих родителей: «Кого вы нам привезли? Какого-то бусурманина!». В понятии бабушки и дедушки бусурманин – иноверец, не говорящий по-русски. Я ведь говорил с ними по-китайски. И очень сердился, когда они на мою просьбу дать, например, ложку протягивали хлеб. Я кидался в них этим хлебом. Несмышлениш был... Первые более-менее осознанные воспоминания у меня относятся годам к пяти: переулки за Тверской улицей, между Тверской и Новослободской, какие-то первые приятели.

ральное училище им. Щукина. Закончила примерно в то же время, когда я – Институт международных отношений. А дочь Даша у нас родилась через год после того, как мы поженились.

– Как Вы оказались в газете «Московские новости»?

– Случайно. Я не собирался работать в прессе, это не моя профессия. Я окончил историко-дипломатический факультет МГИМО и полагал, что пойду по дипломатической стезе. Я так и развивал свою работу в Женеве – в ООН, потом в Праге, потом я работал в международном отделе в ЦК КПСС, писал речи М.С. Горбачеву, был там консультантом международного отдела. Я написал кандидатскую диссертацию по внешней политике США и защитил ее в 24 года. Потом прежняя система рухнула и мне показалось, что новое государство, которое возникло на обломках старого, с одной стороны, все время боролось с остатками старой государственности, а с другой, само было какое-то странное, невнятное и непонятное. И у меня после четырех лет работы в ЦК КПСС желание работать в государственной структуре пропало. В «Московские

– начальник Департамента по связям с общественностью и СМИ АОЗТ «Общественное российское телевидение» (ОРТ). С 1996 г. – директор Дирекции международных и общественных связей ОАО «ОРТ». Был политическим обозревателем международного отдела «Независимой газеты», вел рубрику «Личное мнение». Является постоянным экспертом Мирового экономического форума в Давосе, а также членом редакционной коллегии журнала «Foreign Policy». Пушков – автор более 300 статей в российской и зарубежной прессе. Жизнь яркая, как калейдоскоп, наполненная огромным трудом, множеством интереснейших встреч.

И, наконец, главное на сегодняшний день дело его жизни: с апреля 1998 г. Алексей Пушков – автор, ведущий и руководитель информационно-аналитической программы «Постскрипtum» на телеканале «ТВ Центр» (с 1999 г. – ТВЦ), которой в июне этого года исполнилось 5 лет. Заметим: одной из самых популярных телепрограмм, зрительский интерес к которой продолжает расти. Умница, интеллигент, энциклопедически образованный интеллектуал, умеющий так доверительно общаться с миллионами зрителей с телеэкрана, что каждый из них чувствует себя так, словно беседуют с ним одним. Обаятельный, легкий в общении человек, несмотря на оглушительную известность и популярность, кажется, так и не познавший даже малейших симптомов известной болезни под названием «звездная».

Свободно владеет английским, французским, немецким, а еще – китайским языками (об этом – чуть ниже). Женат. Имеет дочь. Кажется, достаточно для «объективки»?

Маленький Белый медвежонок и его китайская няня Хаань

Мама Маргарита Владимировна и Константин Михайлович в Кении, где Пушков-старший возглавлял Посольство

– Вы единственный ребенок в семье или у Вас есть брат или сестра?

– У меня есть младшая сестра. Она родилась в Париже. Это была следующая командировка отца. У них так повелось – из каждой командировки привозить по ребенку. Хотя нет, из третьей командировки они никого не привезли, видимо, сочли, что достаточно. Мой отец прошел всю войну, сейчас ему уже за 80. Мама моложе отца, они оба живы.

– А Ваша «малая» семья?

– Моя жена Нина – актриса по образованию, она закончила Теат-

новости» меня пригласил Лен Карпинский, заменивший в должности главного редактора Егора Яковлева. Я пошел туда заместителем главного редактора, ответственным за международные дела. И где-то через год газета заиграла, стала одним из центров обсуждения международных проблем. Мой приход в журналистику был не столько связан с моим свободным выбором, сколько со стечением обстоятельств: так сложилось. Мне хотелось быть в сфере, где я буду независим от государственных структур и максимально свободен. Честно говоря, в ЦК мне не

С Генри Киссинджером

С А. Мигранюном и В. Третьяковым

С Е. Примаковым

шибко нравилось, потому что я видел, что власть вяло терялась Горбачевым, он не сумел найти инструментов ее удержания. Обычно крупные государственные деятели власть не теряют, а уходят тогда, когда сами захотят. Ельцин решил уйти и ушел.

– Что Вы думаете о Борисе Николаевиче?

– Ельцин – человек власти. Если Горбачев по личным, человеческим качествам, я считаю, человек со знаком плюс, то Ельцин – человек со знаком минус. Но с точки зрения борьбы за власть, удержания власти – Ельцин, конечно, дает огромную

фору Горбачеву. Поэтому у меня возникло очень большое разочарование во всех этих государственных механизмах, институтах и мне захотелось не быть сопряженным со всем происходящим. Так я оказался в журналистике.

– Если продолжить – что Вы думаете о нынешнем президенте?

– Я считаю, что Путин – человек со знаком плюс. Но вопрос вот в чем: есть люди со знаком плюс для себя, а для общества нейтральные. Может быть, у них не хватает сил осуществить этот плюс или время еще не

пришло. Мне кажется, что плюс Путина пока для общества в полной мере еще не реализован. Но я думаю, что он человек порядочный. И не тот человек, который ради власти пойдет на все. Ельцин, я считаю, ради власти готов был пойти на все. Но есть какие-то пределы – моральные, этические, когда надо от власти отказать.

– Как Вы попали на телевидение?

– Весной 1994 года Лен Карпинский умер. Ему был немного за 60. Я не сумел найти в полной степени взаимопонимания с новым руко-

водством газеты и ушел. Ушел не один: многие журналисты тогда покинули газету. Она стала после этого заметно хуже. Еще раз подтвердилась истина, что хороший человек – это не профессия. Меня пригласил на 1-й канал Сергей Благоволин (он тогда был заместителем директора Института мировой экономики и международных отношений). Его в свою очередь пригласил Виталий Игнатенко, который стал председателем Совета директоров новой компании ОРТ, предложил ему стать генеральным директором нового канала. Формально этот канал на 51% принадлежал государству, но реально каналом тогда управляла группа известных олигархов (позже все было делегировано Березовскому). Была идея поручить руководство новым каналом человеку не с телевидения. У Благоволина возникла потребность в заместителе, который занимался бы связями с общественностью, международными контактами и т.д. Он пригласил меня. Так я попал на телевидение. Я сделал это не без удовольствия.

– О «Постскрипуме». Политическая аналитика – сложное словосочетание. Тем не менее, Вам удается делать очень

С женой
Ниней
и дочерью
Дашей

С женой
на отдыхе

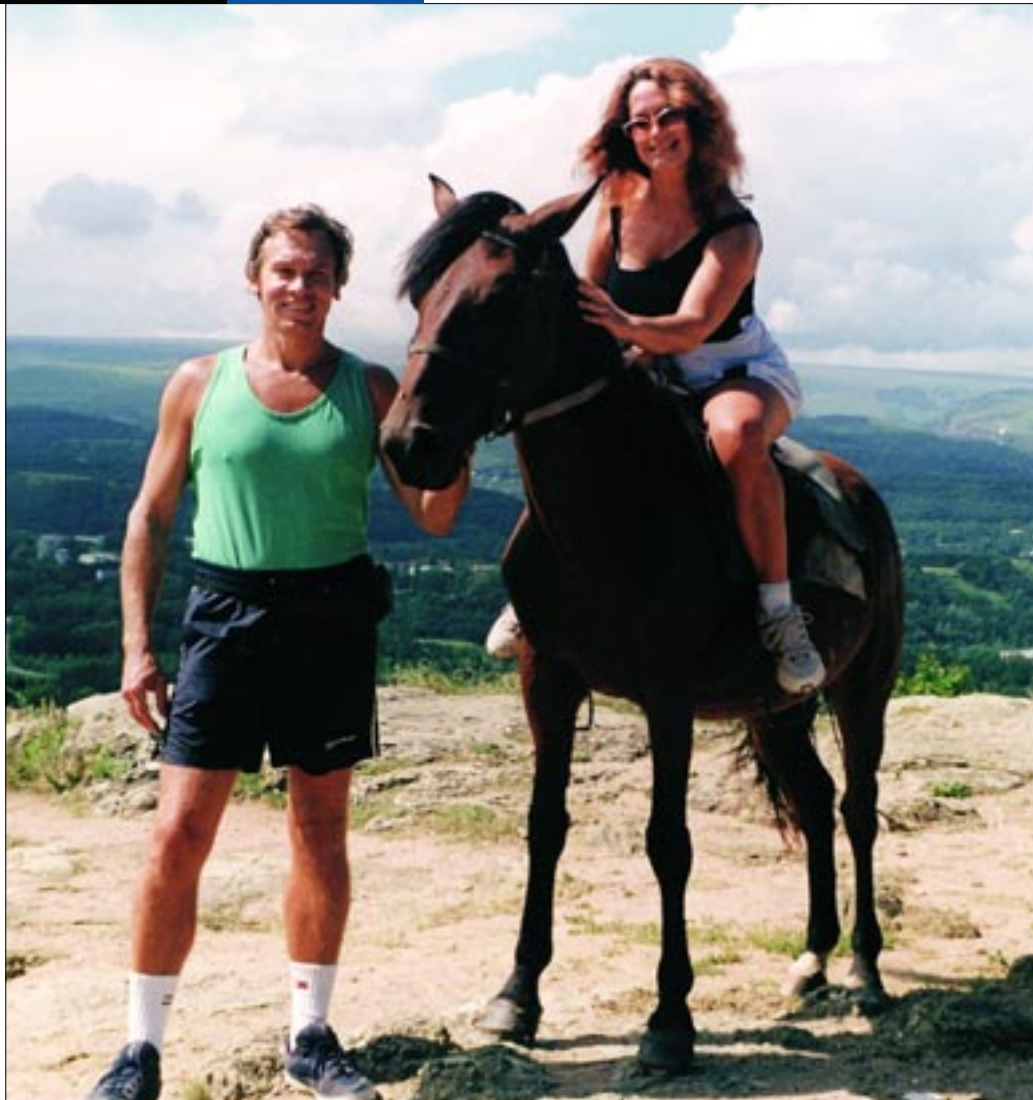
них уложиться. Работа достаточно сложная, требовавшая большой оперативности. Но она много мне дала, многому научила. Потом появился «Постскриптум».

– Как удается удержать высокий уровень программы? Ведь известно немало других программ, которые хорошо начинали, но не выдерживали темпа и постепенно сходили на нет. Вам это явно не грозит.

– Это сложный вопрос, как удержаться. Я считаю, что автор и ведущий – как актер. Кому-то он больше нравится, кому-то меньше. Здесь тот же принцип. Ты не должен отвечать ожиданиям 90 процентов зрителей, достаточно 10. Если это получается – хорошо. Люди выбирают тебя из многих других. Чем это объяснить – я не знаю. Единственное, что требуется от тебя – не подвести ни свою аудиторию, ни самого себя. Нельзя работать спустя рукава, нельзя понижать уровень программы, нельзя посадить вместо себя другого ведущего и т.д. Вырабатывается взаимное доверие между тобой и зрителем (причем, он не должен обязательно с тобой соглашаться) и нельзя это доверие обмануть. Я, кстати, работаю над усилением своей груп-

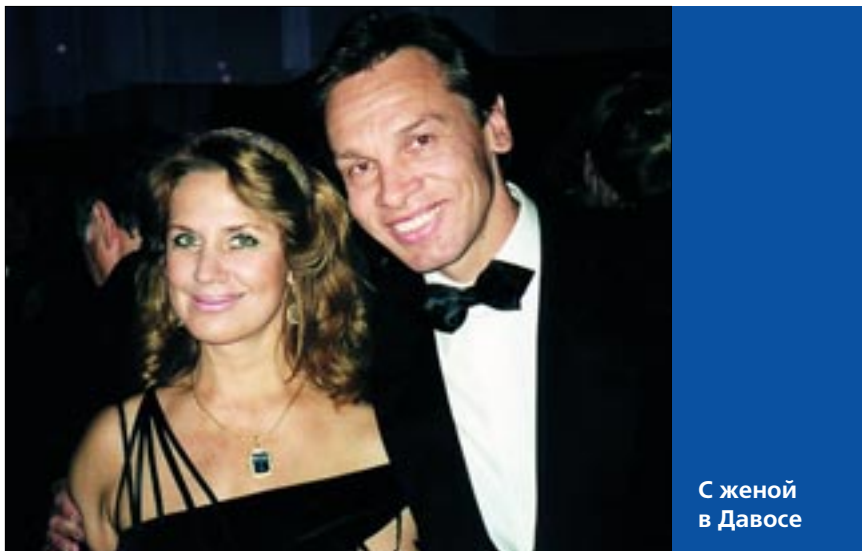
добротную программу, которую с интересом смотрят многие люди – разного возраста, с разным уровнем образования. И всем она понятна и близка. В чем же секрет ее успеха?

– Я как-то об этом не задумывался. Хотя стараюсь делать динамичную программу. Ее сравниваю с «красным поездом». Сюжет не должен превышать 5,5–6 минут. Динамичная, энергичная программа – это первая причина того, что интерес к ней не падает. А вторая – я стараюсь выбирать сюжеты, которые мне интересны, исходя из того, что то, что интересно мне, в принципе должно быть интересно и другим людям, как минимум, образованным. Программа – это продолжение меня. Это то, как я мыслю, как говорю, как выражаю себя. Единственное – все это надо положить на язык телевидения. В газете – одна стилистика, на телевидении – другая. Этому, конечно, пришлось учиться. Год я провел в позднем вечернем эфире (программа выходила после 23 часов). Но у нее уже тогда был достаточно устойчивый рейтинг. А потом был сделан основной рывок, как ни странно, на второй год, когда я комментировал ежедневные события. Эфир у меня был – 10 минут вечером, надо было в

пы, у меня идет некоторая ротация. Многие ушли, некоторые обидевшись. Возможно, помогают делать программу интересной и многолетние «накопления», и природная предрасположенность делиться тем, о чем ты думаешь. И, конечно, постоянная работа, потому что на старом багаже далеко не уедешь. Надо постоянно держать себя в форме, все время двигаться вперед.

– Как складываются Ваши отношения с руководством, в частности, с Олегом Попцовым?

С женой
в Давосе

– Он умный человек и понимает, что если начнет на меня давить, он получит некую амальгаму из того, что он хочет и того, что я могу. На этой работе надо давать человеку делать то, что он считает нужным. Естественно, при высочайшей его ответственности. Если человек ответственно относится к делу, ему надо давать свободу. С Попцовым у меня все в порядке. Он изредка звонит, иногда подсказывает какие-то темы. Я работаю в хорошем режиме. Хотя Олег Максимович не всегда согласен с тем, что я делаю. Когда я в 2002 году сделал передачу о Ельцине, посвященную 10-летию перехода власти от Горбачева к Ельцину, Попцов мне позвонил и высказал свое недовольство. Там был эпизод: когда Ельцин пришел в Кремль, первое, о чем он спросил, войдя в свой рабочий кабинет, было: «А где чернильница?» «Какая, Борис Николаевич?» «Мраморная, большая, у Горбачева была». Что, человек ради чернильницы во власть пришел? Мы с Попцовым поспорили по этому поводу. Но в принципе у нас с Олегом Максимовичем взаимопонимание.

– Сегодня многих волнует вопрос становления гражданского общества в России. Чрезвычайно важная проблема, от решения ко-

торой зависит будущее государства. Как вам кажется, в каком состоянии решение этого вопроса? Готова ли власть к реальному сотрудничеству с обществом, как говорится, протянула ли она ему руку или все еще собирается это сделать?

– Оно находится в стадии медленного и очень болезненного созревания. Я не считаю, что кто-то особенно протягивает руку навстречу обществу. Если поставлена задача создания нетоталитарного госу-

дарства, нужно создать соответствующие условия. Не могу сказать, что государство очень этому помогает, хотя бы как-то финансирует этот процесс. Нет протянутой руки, но есть понимание, что должна быть та или иная форма демократии, что тоталитарный режим уже не отвечает никаким потребностям России. Это понимание было и у Ельцина, оно есть и у Путина, хотя оно разное. Я считаю, что Ельцин относился к этому с большей склонностью к манипуляциям (для демократии это был скорее инструмент манипуляции), а для Путина все более серьезно. Мне кажется, что процесс создания гражданского общества зависит от нас, от общества, от политиков, от средств массовой информации и т.д. А задача государства – не мешать. Печально лишь, что демократия за 10 лет серьезно себя дискредитировала в России. Это искажение образа демократии очень повредило гражданскому обществу. У людей возник разрыв между заявкой на демократию и тем, что они увидели вокруг. Они увидели, что демократия – это прикрытие для разворовывания. Тем не менее, в целом – медленнее, чем хотелось бы, но дело движется. Это очень долгий процесс.

– Вы согласны с мнением, что в России вообще нет опыта демократии?

– Нет, не согласен. Я считаю, что при царизме в России был довольно значительный опыт демократии, как это ни покажется странным. Потому что все эти народовольцы, большевики, «Земля и воля», Степаны Халтурины и прочие ребята не могли бы существовать в совершенно тоталитарном режиме. Если бы царизм был настолько плох, как нам его описывают, никакое революционное движение в России было бы невозможно. Царизм был либерален, и это его погубило в конечном итоге. Ему нужно было быть либеральнее по отношению к рабочим, крестьянам, больше о них думать, а всю различинскую шелупонь надо было изничтожать. Я в этом смысле совершенно жестокий консерватор. Я считаю, что предназначение бунта в том, чтобы он был подавлен. Но уроки его обязательно должны быть учтены. Есть смысл у революции, у бунта, безусловно, есть, – в том плане, чтобы показать верхам, что что-то очень плохо в государстве. Но когда бунт торжествует, мы получаем то, что получаем. Я думаю, что именно либерализм погубил царизм.

Если бы царская охранка занималась не ерундой, не выслеживанием, а делом, например, выделила бы человек пять из партии большевиков и сделала бы так, чтобы они, как минимум, никогда не оказались в России, я думаю, что история России была бы иной. И история мира тоже была бы другой. Может быть, не было бы фашизма в Германии. Во всяком случае, как это ни странно, от того, что Ленин не провалился под лед Финского залива, зависела вся история человечества.

– Вы прекрасно выглядите, спортивны, легки и подвижны. Как Вам удается держаться в форме?

– Как говорит один мой знакомый: я один раз женат. Шутка, конечно! Но в том, как я выгляжу, большая заслуга моей жены, которая заботится о моем здоровье. Я тоже прилагаю некоторые усилия. Много занимаюсь спортом: играю в теннис, плаваю, катаюсь на горных лыжах. Не перепадаю, пью зеленый чай.

– А как Вы отдыхаете?

– Стараюсь куда-нибудь уезжать. Отдыхаю, как правило, с семьей. В прошлом году мы провели часть отпуска в Италии, а потом поехали в санаторий в Кисловодск. Нам понравилось и там, и там...

Беседу вела Раиса ФИРСТОВА